

«Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия

Яна Валерьевна Лексютина, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Контактный адрес: lexyana@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Для американо-китайских отношений всегда была характерна асимметрия, при которой вектор их развития – курс на поиск сфер сотрудничества или акцентирование противоречий / соперничества – задавался проводимой Вашингтоном политикой в отношении Китая, а последний выступал реагирующей стороной. Наблюдаемое ныне усиление конфронтации между США и Китаем обуславливает необходимость осмысления того, как и почему «китайская мечта» о великом возрождении нации стала «американским кошмаром», заставив Вашингтон сделать выбор в пользу политики «сдерживания» Китая. С целью выявления логики формирования американской политики в отношении Китая автор анализирует динамику развития двусторонних связей с момента окончания холодной войны.

Для объяснения эволюции этих отношений в статье применяется авторская концепция «стратегической основы», под которой подразумевается сотрудничество двух стран в области противодействия внешней экзистенциальной угрозе для США. Периоды, когда такая внешняя экзистенциальная угроза для США существовала и интересы двух стран в минимизации ее рисков совпадали, характеризовались стратегической стабильностью американо-китайских отношений, отсутствием кризисов двустороннего взаимодействия, динамичным сотрудничеством двух стран по широкому спектру вопросов двусторонней, региональной и глобальной повестки. И напротив, в условиях отсутствия такой угрозы отношения были нестабильными, происходило обострение противоречий и соперничества. Уникальность современного этапа состоит в том, что ввиду становления Китая в качестве глобальной державы и неоправдавшихся ожиданий Вашингтона в отношении Пекина уже сам Китай начинает восприниматься Вашингтоном в качестве экзистенциальной угрозы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

США, Китай, американо-китайские отношения, сдерживание, стратегическое соперничество

Американо-китайское стратегическое соперничество, развивающееся с 2018 г., разрушило сохранявшуюся на протяжении предшествующих трех десятилетий интригу относительно того, как будут развиваться отношения между США и КНР (доминирующей в мире державой и быстро усиливающимся ее потенциальным конкурентом). Еще 5–10 лет назад этот вопрос вызывал оживленные дискуссии в экспертном сообществе. При всем многообразии оценок, суждений, прогнозов и применяемых теоретических объяснительных моделей их все можно было свести к двум противоположным точкам зрения.

На одном конце спектра находилась группа ученых, настаивавших на возможности гармоничного сосуществования и даже тесного сотрудничества двух государств на фоне множащихся нетрадиционных угроз безопасности. Оценки некоторых экспертов из этой плеяды базировались на представлениях о наличии у Китая скромного потенциала для того, чтобы в обозримом будущем бросить вызов лидерским позициям США в мире¹, а некоторые ученые настаивали на опасности преждевременного противопоставления двух стран друг другу². Другая часть ученых, исходящих из перспектив существенного усиления Китая, в русле представлений политического либерализма акцентировали внимание на меняющемся характере международных отношений глобализации, росте взаимозависимости и отрицали неизбежность столкновения между доминирующей в мире державой и ее конкурентом³. Вовлечение Китая в международную систему и усиление взаимозависимости Китая и мира в конечном счете, утверждали они, сделает Китай ответственным членом мирового сообщества, заинтересованным в сохранении существующей международной системы. Приводились и другие аргументы в поддержку сценария о неконфронтационном характере американо-китайских отношений в ближайшие десятилетия⁴. Примечательно, что оптимистичных оценок развития американо-китайских отношений придерживалось подавляющее большинство китайских ученых, что объясняет шок, постигший Китай и китайское экспертное сообщество после инициирования Д. Трампом торговой войны в 2018 г.

На другом конце спектра была группа ученых, допускавших или вовсе отставивших неизбежность нарастания стратегического соперничества и конфликтности в американо-китайских отношениях, стремления Китая к гегемонии⁵. Их аргументация была достаточно широка: от системно-структурных противоречий между США и Китаем как фактора конфликтности отношений⁶ до различий политических систем, идеологий и ценностей⁷, имперских традиций Китая⁸, усилившегося китайского национализма⁹, неверной оценки намерений друг друга¹⁰ и прочих факторов.

При этом некоторые ученые, представленные этими двумя направлениями, полностью не исключали возможность развития американо-китайских

1 Brzezinski 1997; Gilboy 2004; Scissors 2012; Давыдов 2015, 344–345.

2 Glaser 2011; Kissinger 2011; Nye 2010.

3 Garrett 2006; Ikenberry 2008; Hu 2011; Jia, Rosecrans 2011; Yuan 2010; Chen, Chu 2010; Niu 2009; Tao 2010; Fu 2003.

4 Тимофеев 2012.

5 Bernstein, Munro 1997; Roy 1994; Huntington 1996; Timperlake, Triplett 1999; Gertz 2000; Mosher 2000; Gao 2010.

6 Mearsheimer 2001.

7 Friedberg 2011; Menges 2005.

8 Wortzel 1994.

9 Ross 2011; Christensen 2011; Shirk 2007; Kissinger 2002; Goodman, Segal 1995.

10 Tucker 1991.

отношений и по противостоящему сценарию, допуская вариативность развития событий в зависимости от изменения тех или иных переменных в «уравнении» американско-китайских отношений. В качестве таких переменных одни рассматривали политическую систему Китая, которая, по их убеждению, могла эволюционировать в более демократическую, другие исходили из представлений об управляемости двусторонних отношений при наличии воли политических лидеров двух стран, третьи допускали вариативность перспектив усиления Китая.

Автор данной статьи предлагает рассматривать содержание и направленность развития отношений между США и КНР после окончания холодной войны как складывавшиеся под влиянием комплекса факторов, часть из которых оставалась константами, а другая – переменными величинами. К константам можно отнести различие политических систем и экономических моделей, систем ценностей, идеологий двух стран, а также неизменно присущее им стратегическое недоверие. К переменным величинам следует отнести: соотношение комплексной национальной мощи двух государств и их влияния в мире, драматически изменившееся за прошедшие десятилетия; характер внешней политики КНР, достаточно сильно менявшийся от агрессивного периода Мао Цзэдуна до пассивного с приходом Дэн Сяопина, напористого – после 2007–2008 гг. – и, наконец, согласно американскому восприятию, агрессивного – на современном этапе; мирополитический контекст, в котором развивалось двустороннее взаимодействие.

Популярная концепция «ловушки Фукидида»¹, предложенная Г. Эллисоном, равно как и другие объяснительные модели в духе политического реализма, апеллирующие к неизбежности конфликта между доминирующей в мире державой и ее конкурентом, способны объяснить развивающуюся с 2018 г. конфронтацию между США и Китаем, но не обосновать причину, почему в 2001–2009 гг. американско-китайские отношения были более стабильны, чем в 1989–2001 гг., притом что уже в 2001–2009 гг. комплексная национальная мощь Китая была очень внушительной и Китай воспринимался как восходящая держава. В целях объяснения этого феномена и в целом логики развития американско-китайских отношений после окончания холодной войны автор статьи выдвигает концепцию «стратегической основы». Следуя в русле парадигмы политического реализма, он предлагает взглянуть на эволюцию американско-китайских отношений сквозь призму представлений о том, что содержание американско-китайских отношений определяется наличием или отсутствием в них стратегической основы, под которой подразумевается сотрудничество двух стран в области противодействия внешней экзистенциальной угрозе для США. Периоды, когда такая угроза для США существовала, и интересы Китая совпадали с заинтересованностью США в ее предотвращении, характеризовались стратегической стабильностью американско-китайских отношений, отсутствием серьезных кризисов двустороннего взаимодействия, сотрудничеством двух стран по широкому спектру вопросов двусторонней, региональной и глобальной повестки. Для Пекина такая угроза могла иметь вторичный характер или вовсе быть малозначимой, но важно, что

1 Allison 2017.

Пекин демонстрировал готовность объединить усилия с Вашингтоном в этой области. И главное – это то, что в такие периоды Вашингтон был склонен занимать примирительную линию в отношении Китая, искать возможности сотрудничества и не акцентировать разницу политико-экономических моделей двух стран. Важно учитывать то, что проводимая Вашингтоном политика в отношении Китая фактически задавала вектор развития межгосударственных отношений – курс на поиск сфер сотрудничества или акцентирование противоречий / соперничества. Китай на протяжении всей современной истории американско-китайских отношений выступал реагирующей стороной.

В истории отношений между США и КНР было всего два периода, когда такая стратегическая основа присутствовала: период 1970-х – 1980-х гг., когда стратегической основой, обусловившей нормализацию и интенсификацию американско-китайских отношений, выступало противодействие Советскому Союзу, и период с 2001 по 2009 г., когда угроза со стороны международного терроризма временно оттенила вызов усиливающегося Китая и изменила во внешнеполитических расчетах Вашингтона место Китая, сделав из «стратегического конкурента» (как было обозначено в предвыборных выступлениях Дж.У. Буша) «стратегического партнера». В первом случае экзистенциальной угрозой для США был Советский Союз, а во втором – международный терроризм.

В первой части статьи автор в соответствии с предложенным определением стратегической основы в двусторонних отношениях выделяет и характеризует три периода развития американско-китайских отношений: с 1989 по 2001 г. – сложный период, когда с окончанием холодной войны из американско-китайских отношений выпала стратегическая основа и стороны пытались наладить взаимодействие после тяньаньмэньского шока; с 2001 по 2009 г. – период «медового месяца», когда борьба с международным терроризмом становится стратегической основой двусторонних отношений; с 2010 по 2017 г. – период стратегической нестабильности отношений и нарастания соперничества между двумя странами. Вторая часть статьи посвящена выявлению причин и обстоятельств, приведших к тому, что с 2018 г. Китай стал рассматриваться в Вашингтоне как экзистенциальная угроза, для противодействия которой необходимо применять политику «сдерживания».

От тяньаньмэньского шока до американской политики «возвращения в Азию»

Первый период, который длился после тяньаньмэньского кризиса 1989 г. вплоть до начала борьбы США с международным терроризмом в 2001 г., характеризовался стратегической нестабильностью двусторонних отношений. Тогда американско-китайские отношения прошли через серию кризисных ситуаций: тайваньский кризис 1995–1996 гг., кризис, последовавший после «непреднамеренных» авиаударов НАТО по посольству КНР в Белграде в 1999 г., и кризис, вызванный столкновением американского и китайского самолетов над Южно-Китайским морем в апреле 2001 г. Претензии США к Китаю включали вмешательство Пекина в американские выборы в 1996 г., шпионаж Китая на территории США (в 1999 г. достоянием общественности стал «доклад Комитета Кокса» о

шпионской деятельности Китая в США начиная с 1970-х гг.), ядерные испытания на территории Китая (октябрь 1993 г., июнь и октябрь 1994). США критиковали Пекин за нарушение режима нераспространения, обвиняя китайские компании в продаже Пакистану и Ирану технологий и продукции двойного назначения, способствующих развитию ракетно-ядерных программ этих стран. Это был сложный период преодоления тяньаньмэньского шока обеими сторонами и адаптации американско-китайских отношений к новой мирополитической реальности, обусловленной окончанием холодной войны.

Вслед за событиями на площади Тяньаньмэнь в отношении Китая Вашингтон ввел ряд санкций и ограничений, часть из которых была отменена в течение нескольких лет, а другая часть продолжает действовать до сих пор (мораторий на продажу американских вооружений Китаю и экспортный контроль над продукцией двойного назначения). Восстановить политический диалог на уровне саммитов лидеров двух государств удалось только в октябре 1997 г., когда Цзянь Цзэминь нанес визит в США.

После событий на площади Тяньаньмэнь в дискурс американско-китайских отношений прочно входит правозащитная проблематика, ранее в отношениях между США и КНР (в период 1970-х – 1980-х) представленная слабо. Росту внимания Вашингтона к нарушениям прав человека в Китае способствовало и окончание холодной войны. Исчезновение такой стратегической основы американско-китайских отношений, как противодействие СССР, вывело на первый план противоречия, проистекающие из разницы политических систем США и Китая, их идеологий и ценностей. Совместное с Китаем противодействие СССР мотивировало американских президентов – от Р. Никсона до Дж.Г.У. Буша – идти на уступки Китаю¹.

С исчезновением экзистенциальной угрозы (СССР) исчез и присущий 1980-м гг. консенсус во властных структурах Вашингтона по вопросу предпочтительной политики в отношении Китая². Президентские администрации (Дж.Г.У. Буша и Б. Клинтона) склонялись к необходимости нормализации двусторонних отношений и преодоления тяньаньмэньского шока. Дж.Г.У. Буш и Б. Клинтон в политике «вовлечения» Китая исходили из того, что в момент, когда Китай находится на развилке, в ситуации выбора пути развития, важно поддержать становление Китая в качестве стабильного, открытого и неагрессивного государства, придерживающегося принципов рыночной экономики, политического плюрализма и верховенства закона, а не отталкивать его³. Поддержание сотрудничества с Китаем было также обусловлено его статусом члена Совета Безопасности ООН (например, содействие Китаю было важно при принятии резолюций в связи со вторжением Ирака в Кувейт или для поддержки демократии в Гаити), экономическими интересами американских деловых кругов.

В противовес президентской администрации представители Министерства обороны США выражали опасения в связи с интенсифицировавшейся с середи-

1 Tucker 1991, 90.

2 Dumbaugh 2000, 1.

3 "Remarks by the President in Address on China and the National Interest," Clinton White House Archives, October 4, 1997, accessed March 1, 2021, <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/html/19971024-3863.html>.

ны 1990-х гг. военной модернизацией Китая и отсутствием транспарентности Китая в этой сфере¹. Американский конгресс выступал с критических в отношении Китая позиций, требуя от администрации более решительных действий по правозащитной проблематике, вопросам нераспространения, Тибету, Тайваню и торгово-экономическим вопросам². Американские СМИ выступали в роли жестких критиков Китая³. Общественное мнение в США также было лишено каких-либо симпатий в отношении китайского политического режима.

Кардинально изменившиеся мирополитические условия требовали адаптации отношений США с Китаем к новой реальности окончания биполярного противостояния с Советским Союзом. С одной стороны, с исчезновением стратегического треугольника США – КНР – СССР значимость Китая во внешнеполитических расчетах Вашингтона резко упала, что даже привело к возникновению в американских экспертных кругах представлений о бесполезности американо-китайских отношений⁴. С другой стороны, 1990-е гг. стали для США периодом безусловной веры в свое превосходство над другими странами по мощи и влиянию в мире. Оставшись после окончания холодной войны единственной мировой сверхдержавой, находясь на пике своего экономического расцвета, добившись в начале 1990-х гг. быстрой победы в войне в Персидском заливе, США находились в плену иллюзий об отсутствии конкурентов в вопросах глобального лидерства и о безальтернативности западной модели национального успеха, основанной на принципах свободы, демократии и свободной торговли. В начале 1990-х гг. даже получили развитие представления о близящемся крахе Китая⁵. Исполнительная власть США также недооценивала конкурентные позиции Китая и не осознавала стремительность наращивания Китаем финансово-экономической мощи. В 1997 г., например, Б. Клинтон предположил, что к 2020 г. Китай сможет стать второй торговой державой в мире после США⁶, тогда как реальность оказалась иной – уже в 2012 г. Китай занял место крупнейшей в мире торговой державы.

Хотя 1990-е гг. стали для американо-китайских отношений периодом непрекращающихся микрокризисов как результата тяньаньмэньского шока и изменившегося мирополитического контекста, американские администрации во взаимодействии с Китаем проводили политику «вовлечения» в сочетании с элементами «сдерживания». Тогда Китай не воспринимался в качестве угрозы или вызова США, его внешняя политика носила мирный характер, Китай встраивался в систему международных институтов и международно-правовых режимов и даже вносил ограниченные изменения в свою политическую систему, подпитывая надежды сторонников политики «вовлечения» на трансформацию Китая в ответственного актора мировой политики и демократическое государство. Вместе с тем Вашингтон оказывал давление на Китай в правозащитных вопросах, вводил санкции против него в связи с продажей ракетных технологий Пакистану,

1 Dumbaugh 2000, 3–4.

2 Dumbaugh 1998; Dumbaugh 2000, 1.

3 Sutter 2018, 104.

4 Tucker 1991.

5 Krugman 1994; Goldstone 1995.

6 "Remarks by the President in Address on China and the National Interest."

нарушениями прав интеллектуальной собственности в Китае, противодействовал получению Китаем права на проведение Олимпийских игр 2000 г., сыграл важную роль в решении Всемирного банка о прекращении предоставления Китаю помощи по линии Международной ассоциации развития в 1999 г. Вместе с тем необходимо отметить, что, в то время как фактически Вашингтон проводил китайскую политику, сочетающую «вовлечение» и «сдерживание», администрация Б. Клинтона преподносила ее как политику «конструктивного вовлечения».

С конца 1990-х гг. ввиду стремительного наращивания Китаем экономической мощи, форсированной военной модернизации и завершением процесса инкорпорирования Китая в международную систему (но при отсутствии значимых политических преобразований) восприятие Китая в США начинает меняться. Отражением таких настроений в американском политическом и экспертном сообществе стала обозначенная Дж.У. Бушем в ходе предвыборной кампании линия на выстраивание отношений с Китаем как со «стратегическим конкурентом»¹. Однако коррективы, фактически развернувшие китайскую политику Дж.У. Буша на 180 градусов, внесли события 11 сентября 2001 г. Противодействие международному терроризму, представшему в виде экзистенциальной угрозы США (Стратегия национальной безопасности от 2006 г. начиналась с тезиса о том, что США находятся в состоянии войны – войны с терроризмом²), стало новой стратегической основой американо-китайских отношений. На фоне угрозы со стороны международного терроризма и необходимости привлечения Пекина к борьбе с ним вызов усиливающегося Китая и традиционные проблемы американо-китайских отношений, концентрирующиеся на двустороннем уровне (тайваньская, уйгурская, тибетская проблемы, правозащитный комплекс проблем, экономические вопросы), временно теряли для Вашингтона свою остроту и безотлагательность реагирования.

Таким образом, события 11 сентября положили начало второму периоду в американо-китайских отношениях, длившемуся с 2001 по 2009 г. Этот период был отмечен появлением стратегической стабильности в американо-китайских отношениях, созданием разнообразных диалоговых механизмов двустороннего взаимодействия (счет шел на десятки различных диалоговых форматов, включая Стратегический диалог и Стратегический экономический диалог), интенсификацией сотрудничества двух стран в решении глобальных и региональных проблем. В этот период во внешней политике США преобладающими становятся представления о том, что усиливающийся Китай можно рассматривать не только в качестве потенциального конкурента США, но и в роли важного партнера в преодолении нетрадиционных угроз безопасности. В США появляются такие концепции, как предложенная в сентябре 2005 г. на тот момент заместителем госсекретаря США Р. Зелликом концепция «ответственного акционера» и выдвинутая в январе 2009 г. Зб. Бжезинским идея G2.

1 "Speech of Republican Presidential Nominee George W. Bush 'China and Russia – Powers in Transition,'" An Electronic Journal of the U.S. Department of State "U.S. Foreign Policy Agenda," November 19, 1999, accessed February 19, 2013, <http://usinfo.state.gov/journals/itps/0900/ijpe/pj52bush.htm>.

2 "The National Security Strategy of the United States of America," Office of the Secretary of Defense, March 2006, p. 2, accessed March 1, 2021, <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CMI8yHpX4x6IA%3d%3d>.

Нельзя сказать, что поменявшийся подход Вашингтона к Китаю и интенсификация американо-китайского взаимодействия в вопросах глобального и регионального значения позволили разрешить какие-либо традиционные для американо-китайских отношений противоречия. Они сохранялись, но стороны предпочитали их игнорировать. Вашингтон был склонен учитывать и проявлять уважение «коренным интересам» Китая, что создавало благоприятную среду для ведения эффективного американо-китайского диалога по широкому спектру вопросов глобальной и региональной повестки. Показательна в этом отношении сдержанная реакция Вашингтона на жесткие действия китайских властей в связи с событиями в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая в июле 2009 г.

В условиях отсутствия угрозы своим «коренным интересам» Пекин демонстрировал открытость для сотрудничества с Вашингтоном и нередко соглашался пойти на некоторые уступки в русле решения глобальных и региональных проблем. Однако уже тогда было понятно, что учет Вашингтоном «коренных интересов» Китая может носить только временный характер, поскольку они объективно вступали в противоречие с национальными интересами и мессианским характером внешней политики США. Так, линия Вашингтона на обеспечение защиты и расширения свобод и прав человека в мире неизбежно вступает в противоречие с жестким подходом Пекина к решению тибетской и уйгурской проблем как затрагивающих вопрос территориальной целостности и суверенитета Китая. Внешнеполитическая задача США по защите своих союзников и долговременных партнеров в Азии вступает в противоречие с действиями Китая в отношении Тайваня, в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Новым для американо-китайских отношений в этот период стало нарастание региональной конкуренции между двумя странами в различных регионах мира. С 2004–2005 гг. Китай, аккумулировавший значительные финансовые возможности, испытывающий недостаток в природных ресурсах на фоне динамично развивающейся индустриализации и заинтересованный в поисках новых рынков сбыта своей экспортной продукции, стал стремительно наращивать свое экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке. И, хотя в тот период экономическая экспансия Китая не приводила к американо-китайским противоречиям, было очевидно, что продолжение экономического проникновения Китая в ряд регионов рано или поздно вызовет недовольство Вашингтона.

Первые признаки завершения периода «медового месяца» в американо-китайских отношениях стали проявляться после мирового экономического кризиса 2008 г. Во-первых, сам кризис имел достаточно серьезное опосредованное влияние на американо-китайские отношения. Он проявил возросший вклад в мировую экономику и значительно увеличившуюся экономическую мощь Китая, что не могло не пошатнуть веру США в свое безусловное экономическое лидерство и заставило взглянуть на Китай не как на государство, в очень отдаленной перспективе способное приблизиться к США по размеру экономической мощи, а как на державу, которая уже вплотную приближается к США по многим экономическим показателям и делает заявку на конвертацию своей возросшей мощи во влияние в финансовых институтах и международной экономической системе. Важным следствием мирового экономического кризиса стало переосмысление

Китаем своего места в международной системе и глобальном управлении, что заложило основу для развития конкуренции между Китаем и США за право формулирования глобальной экономической повестки дня, международных правил и стандартов.

Более того, если на первоначальном этапе развития мирового экономического кризиса возникла иллюзия наличия у двух стран большого потенциала для сотрудничества в целях стабилизации мировой экономики, то в дальнейшем достаточно быстро обнаружили не только намерение Китая использовать сложившуюся ситуацию в целях расширения своей роли в мировом экономическом управлении, но и рост протекционизма в двусторонней торговле, а также нарастание соперничества между США и Китаем за международные рынки ввиду вызванного кризисом снижения мирового потребления.

Примерно к 2010 г. стало заметно «размывание» стратегической основы, цементировавшей фундамент американо-китайских отношений: борьба с международным терроризмом теряет свою остроту для Вашингтона, что среди прочего находит свое отражение в обнародованном намерении Б. Обамы вывести американские войска из Ирака и Афганистана. Ликвидация У. бен Ладена в 2011 г. ставит окончательную точку в этом вопросе.

«Размывание» и затем полное исчезновение стратегической основы двусторонних отношений оказало серьезное влияние на изменение подходов Вашингтона к Китаю. Если в 2001–2009 гг. вызов усиливавшегося Китая для Вашингтона временно терял свою остроту на фоне более сильной, непосредственной и существующей в настоящем (а не в перспективе) угрозы со стороны международного терроризма, то с 2009–2010 гг. вызов со стороны Китая, заявившего о себе как о второй мировой экономике и влиятельной силе в мировой политике после мирового экономического кризиса, вышел на первый план. Китай стал рассматриваться в Вашингтоне как конкурирующая держава, в отношении которой нужно применять больше элементов «сдерживания» при сохранении общей линии на «вовлечение» Китая. Проявлением элементов «сдерживания» Китая стал заявленный Б. Обамой в 2009 г. курс на «возвращение в Азию», преследовавший цель недопущения изменения баланса сил в АТР в пользу Китая.

С исчезновением стратегической основы в американо-китайских отношениях для Вашингтона отпала необходимость искусственно сглаживать двусторонние противоречия (комплекс правозащитных вопросов, тибетский, уйгурский, тайваньский вопросы, торгово-экономические противоречия). Как результат, они вспыхнули с новой силой. Вашингтон стал усиливать давление на Пекин в правозащитных вопросах, в том числе расширяя спектр претензий за счет постановки новой проблематики: жесткая цензура Интернета в Китае и исходящие из Китая угрозы кибербезопасности¹. Китайская внешняя политика все чаще стала интерпретироваться в Вашингтоне как приобретающая черты напористости, а внешнеполитическое поведение Китая – как нарушающее нормы

1 "Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting With Future Chinese Leaders," White House, November 16, 2009, accessed February 3, 2013, <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-town-hall-meeting-with-future-chinese-leaders>; "Clinton's Remarks on Internet Freedom," State Government, January 21, 2011, accessed December 16, 2012, <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm>.

международного права и установленные в международной системе «правила». В американо-китайских отношениях появляется и прочно закрепляется новый вектор противоречий – проблематика свободы навигации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Более того, по мере усиления Китая и становления его в качестве глобальной державы между Китаем и США интенсифицируется соперничество за право формулировать правила игры и определять мировую повестку. И если начинается это как соперничество за право определять вектор развития АТР (соперничество за приоритет модели региональной интеграции – в форме ВРЭП или ТТП), то уже при администрации Д. Трампа это перерастает в соперничество глобального масштаба. Предложенная Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» воспринимается в Вашингтоне как масштабный геополитический проект, преследующий цель создания китаецентричного миропорядка.

Таким образом, в качестве основных характеристик американо-китайских отношений периода 2010–2017 гг. можно выделить следующие. Во-первых, это отсутствие стратегической основы двусторонних отношений и, как следствие, обострение традиционных и появление новых противоречий. Во-вторых, это сближение экономических потенциалов США и Китая и сопутствующее нарастание конкуренции в различных регионах мира (в первую очередь в АТР), а также конкуренции за право определять правила, регулирующие различные сферы (от торговли и инвестиционной деятельности до киберпространства). В-третьих, это отсутствие в американо-китайских отношениях конфронтационной составляющей при явной нисходящей тенденции развития отношений. Несмотря на усиление стратегического недоверия между сторонами, стратегическую нестабильность отношений, рост конкуренции между странами, США и Китай сохраняли тесные контакты, продолжали совместную работу, направленную на выработку решений по острым вопросам глобальной и региональной повестки. При этом такая работа велась не только при администрации Б. Обамы, но и в первый год деятельности администрации Д. Трампа. Наиболее примечательным в этой связи стало достижение между двумя сторонами компромисса по северокорейской ядерной проблеме и принятие ряда резолюций СБ ООН в 2017 г., вводивших жесткие санкции против северокорейского режима. В этот период стороны продолжали диверсифицировать и совершенствовать двусторонние диалоговые механизмы. При Б. Обаме были созданы, например, Американо-китайские консультации по делам АТР и Американо-китайский стратегический диалог по безопасности, а при Д. Трампе – Американо-китайский всеобъемлющий экономический диалог.

Конфронтационная модель американо-китайских отношений

Резкое нарастание конфронтационности в американо-китайских отношениях стало происходить с 2018 г., когда инициированная Д. Трампом «торговая война» с Китаем пошатнула хрупкий фундамент американо-китайских отношений. Курс Д. Трампа на ультимативное принуждение Китая углубить либерализацию его экономики и внешнеторгового режима, привести экономическую политику страны

в соответствие со взятыми на себя обязательствами в рамках ВТО запустил маховик взаимных претензий и противоречий¹. Сложившаяся за предшествующие четыре десятилетия сильная экономическая взаимозависимость двух стран из стабилизирующей основы двусторонних отношений превратилась в инструмент давления на оппонента. Д. Трамп продемонстрировал готовность нести издержки ведения «торговой войны» ради достижения цели изменения экономической и внешнеторговой политики Китая. На протяжении предшествующих десятилетий американские администрации безуспешно пытались привлечь внимание Пекина к необходимости решать углубляющиеся американо-китайские торгово-экономические противоречия и обеспечить становление полноценной рыночной экономики, которая должна прийти на смену существующему в Китае государственному капитализму (или, по формулировке китайских властей, социалистической рыночной экономике). Действия Д. Трампа сигнализировали о том, что лимит терпения США в вопросах экономической и внешнеторговой политики Китая уже исчерпан. Претензии Вашингтона к Китаю уже не сводятся к нарушению прав интеллектуальной собственности, манипулированию валютным курсом, растущим торговым дисбалансом в пользу Китая, демпингом на внешних рынках, а охватывают широкий спектр применяемых Пекином торгово-экономических практик, лежащих в основе экономической модели Китая.

Лимит терпения Вашингтона, как следует из многочисленных заявлений американских официальных лиц, уже исчерпан и в вопросах распространения демократии и обеспечения прав и свобод человека в Китае. Ожидания американских сторонников концепции «вовлечения» Китая, делавших ставку на то, что инкорпорирование Китая в международную систему и реализация рыночных экономических преобразований неизбежно приведут к демократизации Китая, не оправдались. За прошедшие три десятилетия спектр претензий США к Китаю в правозащитной области значительно расширился. Если в 1990-е гг. критика Китая включала преимущественно проблемы диссидентов, принудительную политику планирования семьи, принудительный труд в тюрьмах и нарушение религиозных свобод и традиционного уклада уйгуров и тибетцев, то в настоящее время фокус критики направлен на политику Китая в отношении национальных меньшинств (уйгуров и тибетцев), диссидентов, цензуру СМИ и Интернета, есть также целый комплекс претензий в русле гонконгской проблематики. Более того, если раньше уйгурский вопрос рассматривался в контексте нарушения китайскими властями религиозных свобод, сейчас речь уже идет об открытых обвинениях китайских властей в «геноциде»² уйгуров.

За прошедшие три десятилетия Китай не только не стал более демократичным, но, напротив, после прихода к власти Си Цзиньпина произошло усиление роли КПК в общественно-политической и экономической жизни Китая³, система контроля за действиями китайского населения стала более изощренной благодаря идейным и технологическим новациям (использование системы социального

1 Лексютина 2020, 85.

2 Pamuk H., Brunnstorm D., "New U.S. Secretary of State Favors Cooperation with China Despite Genocide of Uighurs," Reuters, January 28, 2021, accessed March 4, 2021, <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-blinken-idUSKBN29W2RC>.

3 Ломанов 2020, 109–110.

кредита, системы распознавания лиц, ИИ и пр.), китайские власти стали демонстрировать бескомпромиссность и жесткость в подавлении каких-либо протестных настроений. Защищая свои «коренные интересы», Китай уже в меньшей степени стал принимать в расчет потенциальную реакцию западных либеральных демократий на свои действия.

Более того, непринятие со стороны Вашингтона вызывают попытки Китая осуществлять контроль за общественным дискурсом не только в национальных границах, но и за пределами Китая (диктовать зарубежным СМИ, общественным деятелям и публичным лицам масштабы допустимого в анализе ситуации в Китае или событий, связанных с действиями Китая).

В целом к 2018–2020 гг. в Вашингтоне сформировался консенсус относительно ошибочности политики «вовлечения» Китая, предполагавшей положительные сдвиги во внутренней и внешней политике, как результата его международной социализации и проведения экономических преобразований. Примечательной особенностью американского политического ландшафта стал не столько двухпартийный консенсус в вопросах политики США в отношении Китая, сколько невиданный с момента установления дипломатических отношений в 1979 г. консенсус между американским конгрессом и американской администрацией в этом вопросе. Ранее американский конгресс, как правило, выступал в роли критика политики китайских властей и сторонника проведения жесткой политики в отношении Пекина, в то время как сменяющие друг друга американские администрации исходили из представлений о целесообразности поддержания нормальных отношений с Китаем, развития с ним сотрудничества по вопросам, представляющим встречный интерес.

Таким образом, в период администрации Д. Трампа в американских политических кругах произошло фундаментальное переосмысление политики в отношении Китая, вряд ли имевшее ситуационный характер. Китай стал восприниматься как страна, исчерпавшая лимит терпения Вашингтона и не оправдавшая ожидания сторонников политики «вовлечения», как главный стратегический противник, чьи внешнеполитические амбиции и международное влияние нужно сдерживать. В Вашингтоне осознали, что Китай превратился в регионального и даже глобального соперника США, конкурирующую сверхдержаву с чуждыми США идеологией, системой ценностей и моделью развития. Китай нарастил свою комплексную национальную мощь – включая не только экономическую, но также военную и технологическую – и расширил свое международное влияние. Китай становится сильным конкурентом даже в тех сферах, где США считали себя неуязвимыми: технологическое и инновационное развитие. «Ловушка Фукидида», заключающаяся в неизбежности конфликта между доминирующей в мире державой и быстро усиливающимся ее конкурентом, становится уже реалистичным сценарием развития американо-китайских отношений¹. Углубляющиеся различия политико-экономических систем, идеологий и ценностей США и Китая усиливают интенсивность влияния «ловушки Фукидида» на американо-китайские отношения.

1 Ефременко 2020.

Ужесточению американского подхода в отношении Китая способствует и то, что возросшая решительность Китая в отстаивании своих «коренных интересов» интерпретируются в США как рост агрессивности. Линия поведения Китая в гонконгском, уйгурском и тайваньском вопросах, вопросе свободы навигации характеризуется как агрессивная. При этом некоторые американские эксперты обращают внимание на то, что если раньше боязнь критики со стороны международного сообщества сковывала действия Пекина, то в последнее время китайское руководство демонстрирует безразличие к международной критике¹. Не остаются без внимания и агрессивные действия китайских дипломатов, полувивших даже специфическое наименование «боевых волков».

Серьезное влияние на американские подходы к Китаю и американо-китайские отношения оказало возникновение и распространение COVID-19. Показательно то, что эпидемия COVID-19 не стала той экзистенциальной угрозой, которая могла бы сплотить США и Китай в целях преодоления вызванного ею мирового экономического кризиса (и, соответственно, стать новой стратегической основой отношений), а, напротив, спровоцировала встречные обвинения и информационную войну.

Более того, на фоне ситуации с COVID-19 в американо-китайских отношениях обозначился новый идеологический вектор противостояния, в случае своего дальнейшего развития способный перевести двусторонние отношения в состояние холодной войны. Впервые с момента установления дипломатических отношений в 1979 г. в американо-китайских отношениях рельефно обозначилось противостояние различающихся политико-экономических и социально-политических моделей двух стран или, по формулировке американской стороны, неолиберальной идеологии США и марксизма-ленинизма КПК.

Появлению идеологического вектора американо-китайского соперничества способствовали обе стороны – и Китай, и США. Так, администрация Д. Трампа стала делать акцент на несовместимости американских ценностей и идеологии с китайскими, а также выделять КПК в качестве основной угрозы США². При этом принятая на вооружение администрацией Д. Трампа стратегия проведения различий между КПК и китайскими гражданами была направлена на то, чтобы все претензии предъявлять адресно КПК, с тем чтобы не антагонизировать китайцев. Пекин, в свою очередь, на фоне развития пандемии стал умышленно акцентировать внимание мирового сообщества на превосходстве своей модели государственного управления и противопоставлять способность китайской политической системы справиться с распространением эпидемии внутри Китая, не допустить второй волны ее развития, быстро восстановить экономический рост в стране, подчеркивая неспособность американских властей остановить распространение коронавирусной инфекции в США и возглавить усилия мирового сообщества в борьбе с эпидемией. Такое противопоставление фактически

1 Bill Hayton, "The South China Sea in 2020. Hearing on 'U.S.-China Relations in 2020: Enduring Problems and Emerging Challenges'," U.S.-China Economic and Security Review Commission, September 9, 2020, p. 4, accessed March 5, 2021, https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-09/Hayton_Testimony.pdf.

2 Robert O'Brien, "The Chinese Communist Party's Ideology And Global Ambitions," USC US-China Institute, June 24, 2020, accessed February 5, 2021, <https://china.usc.edu/robert-o%E2%80%99brien-chinese-communist-party%E2%80%99s-ideology-and-global-ambitions-june-24-2020>.

ставило под вопрос превосходство социально-политической модели и мировое лидерство США.

На практике американская политика «сдерживания» Китая нашла свое отражение в развязывании в 2018 г. «торговой войны», введении ограничений в отношении китайских технологических гигантов и санкций в отношении китайских компаний, организаций и частных лиц. В 2020 г. в Вашингтоне заговорили о необходимости декаплинга – устранения взаимозависимости и связанности – американской и китайской экономик и реконфигурации глобальных цепочек производства и сбыта в обход Китая. Вашингтон стал предпринимать комплексные меры по противодействию китайскому шпионажу¹ и распространению влияния Китая в США, что проявилось среди прочего в ограничении деятельности отдельных китайских СМИ и Институтов Конфуция на территории США, закрытии китайского консульства в Хьюстоне, ужесточении визовой политики в отношении китайских граждан. При администрации Д. Трампа Вашингтон значительно интенсифицировал так называемые операции по утверждению свободы навигации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также углубил отношения с Тайванем.

На недружественные действия США Пекин ответил принятием симметричных мер и развертыванием широкой пропагандистской кампании, адресованной как внутренней, так и международной аудитории. В 2020 г. американо-китайские отношения достигли низшей точки своего развития с момента установления дипломатических отношений.

Как следует из предвыборной риторики и первого месяца пребывания у власти, пришедший на смену Д. Трампу президент Дж. Байден намерен продолжить политику «сдерживания» Китая с той лишь разницей, что во главу угла будет поставлено формирование широкой коалиции стран в целях оказания консолидированного давления на Китай по правозащитной проблематике и торгово-экономическим вопросам, а также с целью противодействия его планам (будь то планы Китая, связанные с реализацией инициативы «Пояс и путь», или планы по созданию сетей 5G по всему миру).

Существуют различные оценки того, удастся ли Вашингтону сформировать такую коалицию. С одной стороны, в США есть понимание того, что экономическая рецессия, которая последует за пандемией, заставит многие развивающиеся и менее развитые страны искать сотрудничества с Китаем, которому, по всей видимости, удастся выйти из кризиса с наименьшими для себя экономическими потерями и сохранить высокие темпы роста относительно других стран². Более того, развивающиеся страны в большинстве своем заинтересованы сохранять отношения и с Китаем, и с США и не желают делать выбор между двумя крупнейшими мировыми экономиками. С другой стороны, некоторые американские эксперты полагают, что после возникновения эпидемии сложились беспрецедентно благоприятные геополитические условия для формирования широкой

1 Zhu 2020, 212.

2 Kerry Brown, "Hearing on 'U.S.-China Relations in 2020: Enduring Problems and Emerging Challenges,'" U.S.-China Economic and Security Review Commission, September 9, 2020, accessed March 27, 2021, https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-09/Brown_Testimony.pdf.

антикитайской коалиции¹. По их мнению, в ходе развития эпидемии проявились такие непривлекательные характеристики внешнеполитического поведения Китая, как использование кризисных явлений мирового развития в интересах получения коммерческой выгоды и утверждения своих территориальных притязаний, политизация своего вклада в вопросах борьбы с COVID-19 в сочетании с агрессивной пропагандой и компаниями по распространению дезинформации². Формирование антикитайской коалиции стало возможным благодаря появлению круга стран, в том числе ведущих мировых держав, в период борьбы с пандемией испытывавших на себе либо давление со стороны Пекина, либо непосредственно осознавших опасность чрезмерной экономической, производственной или технологической связанности с Китаем. Эпидемия COVID-19 способствовала тому, что страны, которые ранее придерживались линии управляемого прагматизма в развитии сотрудничества с Китаем, стали критически к нему относиться, а некоторые из них обратились к реализации конкретных действий для противодействия ему (ведущие европейские страны, Австралия, Япония, Индия)³.

Заключение

За прошедшие с момента окончания холодной войны три десятилетия американо-китайские отношения прошли сложный, неоднозначный путь. Они преодолели период высокой турбулентности 1989–2001 гг., заданный тяньань-мэньским кризисом и новой мирополитической реальностью окончания биполярного противостояния. В период с 2001 по 2009 г. под влиянием изменившейся обстановки (в определяющей степени ввиду угрозы со стороны международного терроризма) США и Китай вышли на качественно новый уровень взаимодействия – уровень стратегического сотрудничества, когда казалось, что объединение их усилий по борьбе с угрозами глобальной и региональной безопасности перевесит существующие между двумя странами противоречия на двустороннем уровне. С 2010 г. американо-китайские отношения стали развиваться под знаком интенсифицирующегося соперничества, сначала принявшего характер регионального соперничества в АТР, но к настоящему моменту уже приобретающего черты долговременного стратегического соперничества.

«Китайская мечта» о великом возрождении китайской нации, официально артикулированная Пекином в 2012 г., но де-факто планомерно осуществляемая с момента начала политики реформ и открытости в 1978 г., стала «американским кошмаром». Китаю удалось нарастить финансово-экономическую мощь до масштабов, уже почти сопоставимых с американскими, существенно продвинуться в вопросах военной модернизации, а также сделать серьезную заявку на превращение в одну из ведущих технологических держав в не таком уж отдаленном будущем. Китай стал обыгрывать США в мировой системе координат, созданной и задуманной Вашингтоном как обеспечивающей американские национальные

1 Andrew Small, "Hearing on 'U.S.-China Relations in 2020: Enduring Problems and Emerging Challenges'," U.S.-China Economic and Security Review Commission, September 9, 2020, accessed March 1, 2021, https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-09/Small_Testimony.pdf.

2 Ibid.

3 Kerry Brown, "Hearing on 'U.S.-China Relations in 2020: Enduring Problems and Emerging Challenges'."

интересы и мировое лидерство. Китай в полной мере использовал преимущества экономической глобализации, превратившись в «фабрику мира», а ныне осуществляя переход к становлению в роли «мирового рынка»; Китай научился эффективно использовать международные организации в своих интересах. Не связывая себя союзническими договоренностями, налагающими определенные обязательства и, возможно, финансовые издержки, Китай между тем создал широкую сеть патрон-клиентских отношений с развивающимися странами, позволяющую ему мобилизовывать широкую международную поддержку своих инициатив и интересов. Китай также продемонстрировал свою уникальную устойчивость к различного рода кризисам и способность превращать кризисные ситуации в новые возможности и импульсы к переходу на новый уровень своего развития.

Между тем определяющим для развития ныне наблюдаемого конфронтационного сценария американско-китайских отношений стал не только факт становления Китая в качестве сильной глобальной державы, но и разрушение иллюзий двух стран. Прежде всего, иллюзий со стороны США о возможности демократизации политической системы Китая и становления в Китае полноценной рыночной экономики, о возможности опосредованного влияния на внутреннюю политику и управления внешнеполитическим поведением Китая, о возможности привлечения Пекина к сотрудничеству в деле решения глобальных и региональных проблем на своих условиях и при своей руководящей роли. Развеялись и иллюзии со стороны Пекина о том, что с течением времени Вашингтон признает право других государств на выбор собственного пути развития, осознает необходимость уважения «коренных интересов» Китая и станет выстраивать отношения с сильным Китаем на равноправной основе, а не с позиции превосходства и силы.

Фиксация Вашингтоном роста комплексной национальной мощи и международного влияния Китая, агрессивности в отстаивании его «коренных интересов», свертывания политической и экономической (в части роли КПК в управлении китайской экономикой) либерализации в Китае, действий по созданию китаецентричной международной системы привели к тому, что Китай стал восприниматься в Вашингтоне в качестве экзистенциальной угрозы США, требующей проведения политики «сдерживания».

Пока развитие конфронтационного сценария американско-китайских отношений не оказывает драматического влияния на мировые процессы, но в случае нарастания конфликтности ситуация может измениться. Следствием развития стратегического соперничества между двумя странами и конфронтационного сценария их отношений может стать фрагментация мирового порядка с формированием условных разграничений на американскую и китайскую сферы влияния. Однако уникальность современной ситуации и ее отличие от периода холодной войны между США и СССР состоит в том, что многие страны мира не хотят делать взаимоисключающий выбор между США и Китаем и быть втянутыми в американско-китайское противоборство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Давыдов, А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 400 с.
- Davydov, Andrew. *Pekin, Washington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformatsii global'noi arkhitektoniki*. Moscow: IFES RAS, 2015 [In Russian].
- Ефременко, Д.В. Двойная ловушка Фукидида // Россия в глобальной политике. – 2020. – 18(4). – С. 126–147.
- Efremenko, Dmitry V. "Thucydides' Double Trap." *Russia in Global Affairs* 18, no. 4 (2020): 126–147 [In Russian].
- Лексютина, Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – 64 (6). – С. 85–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93>.
- Leksyutina, Yana V. "U.S.-China Relations in 2018–2019: Trade War and the Process of Decoupling." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 64, no. 6 (2020): 85–93 [In Russian].
- Ломанов, А.В. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований // Вестник Российской академии наук. – 2020. – 90 (2). – С. 103–112. <https://doi.org/10.31857/S0869587320020073>.
- Lomanov, Alexandr V. "Modern China: Internal and External Challenges at a New Stage of Reforms." *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* 90, no. 2 (2020): 103–112 [In Russian].
- Тимофеев, О.А. Сорок лет отношениям между КНР и США: изменение параметров стратегического сотрудничества // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2012. – №12. – С. 64–72.
- Timofeev, Oleg A. "Forty Years of Relations between China and the USA: Modify the Strategic Cooperation." *Rossiia i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra*, no. 12 (2012): 64–72 [In Russian].
- Allison, Graham. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Bernstein, Richard, and Ross H. Munro. *The Coming Conflict with China*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1997.
- Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N.Y.: Basic Books, 1997.
- Christensen, Thomas J. "The Advantages of an Assertive China: Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy." *Foreign Affairs* 90, no. 2 (2011): 54–67. <http://www.jstor.org/stable/25800457>.
- Dumbaugh, Kerry. *China: Pending Legislation in the 105th Congress*. CRS Report for Congress, 1998.
- Dumbaugh, Kerry. *Ten Years in U.S.-China Policy. Interest Groups and Their Influence, 1989–2000*. CRS Report for Congress, 2000.
- Friedberg, Aaron L. *A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia*. N.Y., London: W.W. Norton & Company, 2011.
- Garrett, Banning. "US-China Relations in the Era of Globalization and Terror: a Framework for Analysis." *Journal of Contemporary China* 15, no. 48 (Aug. 2006): 389–415. <https://doi.org/10.1080/10670560600736384>.
- Gao, Zugui. "Transforming Sino-U.S. Strategic Relations." *Contemporary International Relations* 20, no. 3. (May/June. 2010): 31–40.
- Gertz, Bill. *The China Threat: How the People's Republic Targets America*. Washington, DC: Regnery, 2000.
- Gilboy, George J. "The Myth Behind China's Miracle." *Foreign Affairs* 83, no. 4 (Jul./Aug. 2004): 33–48.
- Glaser, Charles. "Will China's Rise Lead to War? Why Realism Does Not Mean Pessimism." *Foreign Affairs* 90, no. 2 (2011): 80–91. Accessed July 3, 2021. <http://www.jstor.org/stable/25800459>.
- Goldstone, Jack A. "The Coming Chinese Collapse." *Foreign Policy*, no. 99 (1995): 35–53. <https://doi.org/10.2307/1149004>.
- Kissinger, Henry. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. N.Y.: Simon & Schuster, 2002.
- Goodman, David S.G., and Gerald Segal. *China Without Deng*. Sydney; N.Y.: Editions Tom Thompson, 1995.
- Hu, Gangang. *China in 2020: A New Type of Superpower*. Washington, DC: Brookings Institution, 2011.
- Huntington, Samuel. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Ikenberry, John. "The Rise of China and the Future of the West; Can the Liberal System Survive?" *Foreign Affairs* 87, no. 1 (Jan./Feb. 2008): 23–37.
- Kissinger, Henry. *On China*. N.Y.: Penguin Press, 2011.
- Krugman, Paul. "The Myth of Asia's Miracle." *Foreign Affairs* 73, no. 6 (Nov./Dec. 1994): 62–79. <https://doi.org/10.2307/20046929>.
- Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2001.
- Menges, Constantine C. *China: the Gathering Threat*. Nashville: Thomas Nelson Inc, 2005.
- Mosher, Steven. *Hegemon: China's Plan to Dominate Asia and the World*. San Francisco, CA: Encounter Books, 2000.
- Nye, Joseph S. Jr. "American and Chinese Power after the Financial Crisis." *The Washington Quarterly* 33, no. 4 (Oct. 2010): 143–153, <https://doi.org/10.1080/0163660X.2010.516634>.
- Ross, Robert S. "Chinese Nationalism and Its Discontents." *The National Interest*, no. 116 (Nov./Dec. 2011): 45–51. <http://www.jstor.org/stable/42896414>.
- Roy, Denny. "The 'China Threat' Issue: Major Arguments." *Asian Survey* 36, no. 8 (Aug. 1996): 758–771.
- Scissors, Derek, and Arvind Subramanian. "The Great China Debate: will Beijing Rule the World?" *Foreign Affairs* 91, no. 1 (Jan./Feb. 2012): 173–177.
- Shirk, Susan L. *China: Fragile Superpower: How China's Internal Politics Could Derail Its Peaceful Rise*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Sutter, Robert G. *U.S. – China Relations: Perilous Past, Uncertain Present*. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2018.

Timperlake, Edward, and William C. Triplett. *Red Dragon Rising: Communist China's Military Threat to America*. Washington, DC: Regnery, 1999.

Tucker, Nancy B. "China and America: 1941-1991." *Foreign Affairs* 70, no. 5 (Winter 1991): 75-92.

Wortzel, Larry M. "China Pursues Traditional Great-Power Status," *Orbis* 38, no. 2 (Spring 1994): 157-175.

Yuan, Peng. "Where Are Sino-U.S. Relations Headed?" *Contemporary International Relations* 20. (Sept. 2010): 53-62.

Zhu, Zhiqun. "Three Levels of U.S. - China Strategic Rivalry." *The Brown Journal of World Affairs* xxvii, no. 1. (2020): 119-134. <https://bjwa.brown.edu/27-1/three-levels-of-u-s-china-strategic-rivalry/>.

贾庆国, 理查德·罗斯克兰斯. 中国和美国正在走向冲突? // 国际经济评论. - 2011 年. - 第3 期. - 第7-14页.

Jia, Qingguo, and Richard Rosecrans. "Are China and the United States Heading for Conflict?" *International Economic Review*, no. 3 (2011): 7-14 [In Chinese].

陈松川, 楚树龙. 21世纪初叶世界发展大趋势// 现代国际关系. - 2010年. - S1期 - 第5-17页.

Chen, Songchuan, and Shulong Chu. "The General Trend of World Development at the Beginning of the 21st Century." *Contemporary International Relations*, no. S1 (2010): 5-17 [In Chinese].

牛新春. 中美关系: 依赖性与脆弱性// 现代国际关系. - 2009年. - 第9期. - 第36-44页. Niu, Xinchun.

"China-U.S. Relations: Dependence and Fragility." *Contemporary International Relations*, no. 9 (2009): 36-44 [In Chinese].

陶文钊. 利益调适: 中美关系中的恒久课题// 当代世界. - 2010年. - 第9期. - 第4-8页.

Tao, Wenzhao. "Adjustment of Interests: An Eternal Issue in Sino-US Relations." *The Contemporary World*, no. 9 (2010): 4-8 [In Chinese].

傅梦孜. 布什政府对华政策与中美关系的未来// 现代国际关系. - 2003. - 第1期. - 第17-22页.

Fu, Mengzi. "The Bush Administration's China Policy and the Future of Sino-US Relations." *Contemporary International Relations*, no. 1 (2003): 17-22 [In Chinese].

Сведения об авторе

Лексютина Яна Валерьевна,

доктор политических наук, профессор РАН, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ,
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9.

e-mail: lexuana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 марта 2021.

Переработана: 27 марта 2021.

Принята к публикации: 4 августа 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лексютина, Я.В. «Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия // *Международная аналитика*. - 2021. -

Том 12 (2). - С. 12-30.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-12-30>

The “Chinese Dream” or the “American Nightmare”: Where Did the U.S.-China Relations Come in Three Decades

ABSTRACT

The bulk of academic studies characterize the contemporary U.S. – China relations as asymmetrical ones, in which the relations' agenda – a course towards finding areas of cooperation or emphasizing contradictions/rivalry – was set by Washington's policy towards China, with the latter being more of a reacting party. In this paper, I argue that one needs a further and deeper reflection on the current confrontation between the U.S. and China, in particular the reasons and circumstances of how and why the “Chinese dream” of a remarkable renaissance of the Chinese nation became an American nightmare, forcing Washington to opt for a containment policy against China. In this regard, I show the importance of tracing the dynamics of the post-Cold War development of the U.S. – China relations to comprehend the patterns and logic of the shaping of American policy towards China. The article also explains the evolution of U.S. – China relations in the post-Cold War period as determined by the presence or absence of a strategic basis in the U.S. – China relations, which implies cooperation between the two countries in stopping the external existential threat to the U.S. So, I conclude that the uniqueness of the current stage lies in the fact that, because of China's emergence as a strong global power and Washington's disillusion about China, China itself is beginning to be perceived by Washington as an existential threat, to stop which the containment policy should be applied.

KEYWORDS

The U.S., China, U.S.-China relations, containment, strategic rivalry

Author

Yana V. Leksyutina,

Doctor of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation.

e-mail: lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

Additional information

Received: March 9, 2021. Revised: March 27, 2021. Accepted: August 4, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Leksyutina, Yana V. “The ‘Chinese Dream’ or the ‘American Nightmare’: Where Did the U.S.-China Relations Come in Three Decades.” *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 12–30.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-12-30>